

Е. В. Бородина

**К вопросу о нормативной регламентации деятельности
судебных комиссаров на Урале и в Западной Сибири
в 1722-1726 гг.**

Изучение бюрократических структур и государственного управления является важным для понимания жизни любого общества. Функционирование государственного аппарата прямым образом связано с качеством жизни социума. Работа системы управленческих учреждений, в свою очередь, зависит не только от полной оснащенности их канцелярий материальными и людскими ресурсами, но и качества составленных нормативно-правовых документов канцелярского делопроизводства, регулирующих их деятельность. Четкость и единообразие инструкций, опора их на ключевые законодательные акты общегосударственного значения способствуют организации деятельности как одного человека, так и целого коллектива.

Развитие и изменение государственного устройства нашего Отечества имеет относительно длительную историю. Можно говорить и о таком же значительном периоде ее изучения. С момента возникновения профессиональной исторической науки оно стало доминирующей тематикой исследований.

Реконструкция деятельности государственных учреждений или его отдельных представителей по их инструкциям может быть начата уже со времени создания института губных старост в середине 16 века. Далее государство в лице монарха все чаще начинает использовать их с целью регуляции и направления деятельности различных должностных лиц. В 17 столетии наиболее массовым видом таких источников можно назвать указы воеводам, для которых уже к середине века был разработан единый формуляр, а с 1680-х гг. они приобрели цифровое деление на статьи¹. Особое значение нормативные документы приобрели в первой четверти 18 века в связи с крупными административными реформами Петра Великого.

Несмотря на то, что многие законодательные и подзаконные акты этого периода были опубликованы более полутора столетий назад в «Полном собрании законов Российской империи» и их печать продолжа-

Бородина Елена Васильевна, аспирант кафедры Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Эл. почта: sosnovi-bor@yandex.ru

¹ Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 75.

ется до сих пор, количество еще неизданных нормативно-правовых и близких им источников со временем не уменьшилось. Документы инструктивного характера, хранящиеся в центральных и областных архивах нашей страны, представляют большую ценность для лучшего понимания работы государственных учреждений и лиц периода петровских реформ.

Большой интерес представляют инструкции судебных учреждений, созданных в результате судебных преобразований 1720-х годов. По мнению многих историков, реформа стала первой попыткой разделения властей¹. Особенно сильно данная тенденция должна была проявиться в деятельности низового звена судов². Первоначально оно было представлено городскими судьями и провинциальными судами, а с 1722 года – судебными комиссарами. Что же они собой представляли?

Как уже было отмечено выше, в предыдущий период судебные полномочия на местах находились в руках местных администраторов – воевод. По замечанию Е. В. Вершинина, посвятившего монографию истории воеводского управления в Сибири в 17 веке, указы воевод очень расплывчато определяли их судебные полномочия, а Соборное Уложение в них практически не отразилось. В самых общих выражениях им предписывалось «вершить суд праведно» и собирать определенный процент судебных пошлин с того или иного дела. По мнению историка, так власть давала возможность местной администрации выступить в роли высшего арбитра, а в случае неудовлетворительного решения вопроса обратиться все в выгодную для себя сторону³. Таким образом, на начало нового века опыт составления инструкционных документов, регулировавших деятельность судей, практически отсутствовал. Лишь в южных регионах страны в течение всего семнадцатого столетия продолжали существовать должности губных старост, специализировавшихся на расследовании уголовных правонарушений⁴. В Сибири судебный процесс

¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 17-18 // Соловьев С. М. Сочинения. М., 1993. Кн. 9. С. 458; Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. М., 1998. С. 578; Анисимов Е. В. Государственные преобразования и реформа Петра Великого. СПб., 1997. С. 128,161; Мионов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII-XX вв.). СПб., 1999. Т. 2. С. 49 и др.

² Вдовина Л. Н., например, полагает, что организованная Юстиц-коллегией система судов так и не приобрела независимости. «Только нижние суды приобрели на короткий срок статус самостоятельных учреждений. В надворных судах этого не произошло, так как президентами в них стали те же губернаторы, вице-губернаторы и воеводы». См.: Вдовина Л. Н. Право и суд // Очерки русской культуры XVIII века. М., 1987. Ч. 2. С. 163.

³ Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). С. 74-76.

⁴ На юге страны помимо воевод указы как руководства к действию получали губные старосты. См.: Глазьев В. Н. Власть и общество на юге России в XVII веке: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001. С. 293.

проходил во многом под влиянием субъективного взгляда на него того или иного администратора.

Преобразования первой четверти XVIII века, создав новую систему управления в центре и на местах, привели к возникновению новых нормативно-правовых актов, необходимых для ее регуляции. На втором витке административных реформ одним из них стала «Инструкция, или Наказ Воеводам».

Петровская «Инструкция, или Наказ Воеводам», созданная в январе 1719 года, изъяла все судебные-следственные дела из сферы деятельности последних ¹, правда, с некоторыми оговорками. «Хотя ему воеводе не надлежит спор тяжёбного дела между подданными судить, и судьям в расправе их помешательство чинить, однакож ему смотреть, чтоб земские судьи по данной инструкции уездной суд управляли, и подданных продолжением и волокитами не утесняли». Несмотря на такое заявление в первом из двух пунктов наказа, посвященных суду, о нем говорится немного. В документе лишь были намечены некоторые основания для деятельности будущих судей. Среди этих базисных положений можно назвать требование вести протоколы судебных заседаний, их «публикование» в народе и надворном суде, собирать «штрафные деньги» через земских комиссаров, производить учет «вершенных» и «невершенных» дел, особенно так называемых «смертных дел» ². Таким образом, инструкция не могла стать руководством к действию надворных судов и подчиненных им судей.

Сибирские управленцы первой четверти 18 века ³, как и чиновники по всей стране, столкнулись с необходимостью самостоятельно разработать инструкции, требующиеся для функционирования низшего звена судебной иерархии ⁴. К концу 1721 года они поступили в распоряжение

¹ В то время данный законодательный акт рассылался всем местным администраторам независимо от названия их должности.

² ПСЗРИ-1. Т. 5. № 3294.

³ В данном случае – судьи тобольского надворного суда.

⁴ В отличие от «Инструкции Воеводе», которая является законодательным актом за подписью царя, инструкции судей представляют собой один из видов делопроизводственной документации распорядительного характера. Проанализировав «Генеральный регламент», К. Г. Митяев называет инструкции среди делопроизводственных документов, которые фиксировали законодательные и распорядительные акты, и делит их на генеральные и партикулярные. (См.: Митяев К. Г. История и организация делопроизводства в СССР. М., 1959. С. 48). Н. А. Миненко также относит инструкции и наставления 18 века к делопроизводственным документам. Она обращает внимание на то, что инструкции имели длительный срок действия, в них регламентировались обязанности должностных лиц – до деревенского десятника включительно. Формуляр инструкций разрабатывался в уездных и губернских центрах. (См.: Миненко Н. А. Очерки по источниковедению Сибири XVIII – первой половины XIX века. Новосибирск: Из-

«земских судей», отправлявшихся по месту службы в дистрикты Западной Сибири и Урала. К сожалению, большая часть этих документов до нас не дошла либо до сих пор, никому не известная, хранится в архивах. В распоряжении автора оказалось только три варианта инструкций судьям самого низового звена петровской судебной системы – судебных комиссаров, – на анализ которых будет обращено особое внимание.

Наиболее ранние сведения о содержании данных инструкций мы можем найти среди бумаг тюменской канцелярии воеводского правления. Первый тюменский городской судья Дмитрий Петров направлял туда доношения воеводе, чтобы добиться необходимых для организации своей работы документов и канцелярских служащих. В доношениях Д. Петров лишь в общих чертах определял сферу своей деятельности, так как предоставлял только ту информацию, которая требовалась к сведению воеводы¹. К сожалению, данные источники не позволяют установить точной даты создания инструкции. Кроме того, они очень фрагментарны и не дают полного представления о деятельности судьи. Это подтверждает и объем его первой инструкции – 30 листов, – сведения о котором мы можем найти в описи документов, хранившихся в канцелярии на 1727 год². Уже информация об ее объеме ярко говорит нам о количестве прописанных там пунктов.

Вторые дошедшие до нас «наказные пункты» увидели свет в тюменской судебной канцелярии 31 октября 1723 года и предназначались для нового судебного комиссара Краснослободского дистрикта³. Текст инструкции невелик по объему и состоит всего из 5 пунктов и приложенной к ним описи краснослободских колодников. Такой незначительный объем документа можно связать с тем, что источник был создан не судьями тобольского надворного суда, а самим тюменским судебным комиссаром. Последний в течение нескольких лет являлся непосредственным начальником судебного комиссара Краснослободска. Об этом свидетельствует не только текст инструкции, написанный от имени тюменского судьи Алексея Текутьева, но и другие делопроизводственные документы,

дательство Новосибирского государственного университета, 1981. С. 24-25). Такой же позиции придерживается А. А. Лукашевич, называя инструкцию одним из видов документов делопроизводства. (См.: Лукашевич А. А. Виды документов в Российском государстве первой четверти XVIII в. (На материале Генерального регламента) // Советские архивы, 1991. № 4. С. 43). Видимо, вследствие данной классификации инструкции составлялись не в центре, а в регионах.

¹ ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 3396. Л. 10-10 (об.)

² Там же. Д. 4917. Л. 4-7 (об.)

³ Там же. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 2. Л. 29-29 (об.) Приношу глубокую благодарность Д. А. Редину за предоставление текста этого источника.

сохранившиеся в фондах «Тюменской воеводской канцелярии» и «Тюменской судебной канцелярии» ГАТО ¹.

Третий документ, отложившийся в ГАСО в виде копии, датируется 11 декабря 1723 года ². Он был предназначен судебному комиссару Уктусского и Алапаевского дистриктов Дмитрию Карвацкому. Как и «наказные пункты» Д. Петрову, он создавался в канцелярии тобольского надворного суда и в связи с этим имеет больший объем (17 пунктов), чем инструкция судебному комиссару Краснослободского дистрикта Максиму Стрекаловскому. Это единственный документ, который был подписан всеми членами присутствия тобольского надворного суда: вице-президентом подполковником Р. Ушаковым, ассессорами майорами кн. Н. Мещерским, Н. Кондыревым, А. Каратеевым.

Сравнение текстов инструкций позволяет не только наиболее полно представить обязанности, составлявшие сферу деятельности судебных комиссаров, но и увидеть их отличия. Среди общих пунктов можно найти те, что предписывают хранить и принимать все законодательные акты, «касающиеся до Государственной Коллегии Юстиции». На тот момент они имели единую классификацию: Соборное Уложение и «новосоставленные указы». Если Д. Петров и Д. Карвацкий должны были принимать указы из тобольского надворного суда, то М. Стрекаловский был вынужден пересылать их в Тюмень с «нарочным посыльщиком». Ничего в инструкции не говорится и о ключевых в работе краснослободской судебной канцелярии законах. Д. Карвацкому вменялось в обязанность «публиковать» еще не обнародованные законодательные акты.

Единым требованием для судей было ведение финансово-отчетной документации по всем вершенным и невершенным делам: их учет и сбор судебных пошлин ³. Петров и Карвацкий отчитывались по ней перед тобольским надворным судом. Стрекаловский – перед тюменским судебным комиссаром ⁴. Таким же образом велся контроль над колодниками, содержанию которых во всех инструкциях было уделено особое внимание.

В обязанности Д. Петрова и Д. Карвацкого, помимо всего прочего, входили наблюдение за нотариальной деятельностью и разбор фискальских дел. В инструкции Д. Карвацкого в качестве отдельного пункта указывалось «сочинять» ведомости о выморочных землях и прочей недвижимой собственности, в которых требовалось указать размер собранных

¹ ГАТО. Ф. И-47, И-181.

² ГАСО. Ф-24. Оп. 1. Д. 94. Л. 445-448 (об.)

³ Данное положение отвечало требованиям сенатского указа от 19 мая 1721 года «О рапортовании из присутственных мест в Камер-коллегию помесячно, сколько с вершенных дел пошлин на лицо состоит». ПСЗРИ-1. Т. 6. № 3786.

⁴ Правда, о деятельности Д. Петрова в этой области больше информации дает опись дел 1727 года.

с них пошлин. О сходной деятельности Д. Петрова и других судебных комиссаров говорит факт хранения в судебной канцелярии «книги опальным дворам и пожиткам города Тюмени и Тюменского уезду всяким чинам» на 439 листах¹. Среди «наказных пунктов» М. Стрекаловского они отсутствуют.

Естественно, что основной сферой деятельности комиссаров была судебная. Правда, при определении судебной компетенции трех судей мы встретим совершенно разные формулировки. Д. Петрову предписывалось отправлять «всякия... исцовы судные и розыскныя дела», то есть рассматривать гражданские² и уголовные дела. В «наказных пунктах» М. Стрекаловскому можно найти сходные указания (п. 2, 3). В инструкции Д. Карвацкому поручалось «в разбойных, татиных и в убивственных и в других злодейских делах приводных людей роспрашивать и розыскивать» (п. 2), то есть формально в его ведение передавалось осуществление суда и следствия по всем уголовным правонарушениям. О прочих «истцовых делах» говорится очень мало и неопределенно. В отличие от всех других судебных комиссаров, Д. Петрову требовалось время от времени объезжать подведомственную территорию, надзирая за деятельностью крепостных писцов и осуществляя правосудие.

Таким образом, изучение инструкций судебным комиссарам приводит нас к следующим выводам. Как и в предыдущем столетии, каждое должностное лицо периода петровских реформ получало свою личную инструкцию. Не обошло это и судебных комиссаров. Сравнение текстов их «наказных пунктов» показало, что для их составления за три года существования специального судебного ведомства на Урале и в Западной Сибири так и не было выработано единого образца. Каждый документ писался без учета порядка расположения одинаковых по содержанию пунктов и имел разный текстовый объем.

Обращает на себя внимание и несовпадение при формулировании пункта об основных должностных обязанностях. Несмотря на то, что для этого существовал единый образец, приведенный в указе от 12 декабря 1718 года «Об управлении во всех коллегиях и губерниях дел с 1720 года по новому порядку и о разделении дел между коллегиями». По нему в ведение Юстиц-коллегии передавалась «Юстиция, (то есть расправа гражданских дел). Судные и розыскныя дела; в той же Коллегии в ведении и Поместный приказ»³. Можно отметить, что наиболее близкая к указу формулировка содержится только в первой инструкции Д. Петрова.

¹ ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 4917. Л. 4-7 (об)

² В данном случае под гражданскими делами понимаются все прецеденты возбуждения судебного процесса частными лицами.

³ ПСЗРИ-1. Т. 5. № 3255.

Инструкция Д. Карвацкого написана при опоре на вышедшие недавно ключевые законодательные акты, касающиеся судоустройства на втором этапе проведения судебной реформы (1722-1726 гг.). В ней подверглись большому разграничению обязанности судебного комиссара и представителей других ведомств, в частности, Камер-коллегии. Особо оговариваются вопросы о подсудности местного населения и судебной иерархии. Этого нельзя сказать о вышедшей почти в то же время инструкции М. Стрекаловскому, которая явно составлялась наспех, без учета существующего законодательства.

В целом все инструкции посвящены более определению сферы деятельности судей, разграничению их компетенции с другими ведомствами. Можно отметить, что их содержание не противоречит соответствующим статьям воеводской инструкции 1719 года, а лишь расширяет и дополняет их. О судебной деятельности как таковой говорится очень мало. Инструкции только перечисляют те законы, на основе которых должно было производиться судопроизводство. В качестве базы судебной деятельности указывается законодательство: Соборное Уложение и «новоуказные статьи». Судье предписывалось взять их у воеводы или временно исполняющего обязанности главы канцелярии «старого подьячего». По наказным пунктам судебный комиссар предстает нам более администратором, нежели судьей. Особенно бросается в глаза большое число отчетностей и надзорных функций. Все это затрудняло основную судебную работу канцелярий.

Разнообразие условий Урала и Западной Сибири привело к отсутствию единой судебной политики на местах, что ярко проявилось в инструкциях низовому звену судей. Каждая должностная инструкция составлялась с учетом обстоятельств, которые ожидали судебного комиссара на месте будущей службы. Естественно предположить, что служба при таком строгом начальнике, каким был генерал-майор В. де Геннин, и удаленность от административного центра требовали более тщательного подхода к делу составления нормативной документации любого учреждения. Близкое положение к Тобольску привело к меньшей жесткости при составлении данных документов.